

«ГОРНАЯ ПОСЕССИЯ» В КОНТЕКСТЕ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ УРАЛА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.

Одним из следствий «эпохи либеральных реформ» в России стало утверждение в общественном сознании представления о том, что важнейшим условием успешной предпринимательской деятельности является экономическая свобода. Эта установка прочно укоренилась в сознании уральских горнозаводчиков, особенно тех, кто владел заводами на посессионном праве. Выражая их общее мнение, представитель крупнейшего Верх-Исетского округа Д.А. Огородзинский утверждал, что это право и сопряженный с ним «специальный казенный надзор» находятся «в прямом противоречии с твердо установившимися понятиями о процветании каждой отрасли народной промышленности при возможно большей свободе действий и при возможно меньшей регламентации со стороны государства»¹.

Посессионное право на заводах Урала сформировалось на рубеже XVIII–XIX вв. и было кодифицировано в Проекте Горного положения 1806 г. и последующем Горном Уставе редакций 1832, 1842 и 1857 гг. Оно стало закономерным следствием непростой истории становления крупной металлургии на Урале, когда «фундаторы заводов не дворянского происхождения (в отличие от заводчиков помещиков) получали от казны так называемые «пособия» в виде природных (земли, леса, рудники) и социальных (крепостные или казенные «заводские люди») ресурсов. Закрепив в этом праве принцип нераздельности пользования «казенными пособиями» с действием завода, казна тем самым гарантировала права обоих «участников» посессии и с юридической точки зрения обеспечила себе возможность получения дохода (повышенной в полтора раза горной подати), а заводчику – возможность бессрочного распоряжения пособиями, которые были необходимы для полноценного функционирования горнозаводского округа и получения прибыли. Обратной сто-

Этого явились так называемые «посессионные ограничения», которые распространялись горными властями на хозяйственную деятельность заводчиков-посессионеров в отличие от заводчиков-вотчинников.

Параллельно формированию посессионного права и по мере того, как стало «выясняться [...] его более или менее важное стеснение в хозяйственных соображениях и расчетах заводчика»², началась и борьба заводчиков против посессии. В первой половине XIX в. она выражалась либо в их индивидуальных действиях по переводу отдельных заводов в разряд владельческих, либо в нечастых коллективных жалобах об отмене некоторых «посессионных ограничений» с перспективой «уравнения посессионного права с правом собственности». Но, не будучи особо активной, эта борьба не привела ни к существенному сокращению доли посессионных заводов, ни к переменам в базовых основах посессионного права³. По официальным данным, к 1861 г. на Урале числилось 24 посессионных округа (из 33), которым принадлежало около 4,8 млн десятин земли, где выплавлялось до 8,2 млн пудов чугуна (65% всего уральского производства).

Реальный приступ к изменению горнозаводского законодательства был сделан в ходе начавшихся Великих реформ. Вместе с Горным Уставом вопрос о посессионном праве в 1862 г. был передан на рассмотрение Горной комиссии Министерства финансов, ведавшего тогда состоянием горнозаводского дела в России. В годы ее деятельности уральские посессионеры, среди которых особенно активными были крупнейшие заводчики Яковлевы и Демидовы, пытались через прессу повлиять на решение горных чиновников, входивших в эту комиссию. Доказывая свое право собственности на посессионные земли, они добивались распространения на уральские округа условий отмены посессии, какие были даны в 1863 г. владельцам «фабрично-заводских» предприятий России, то есть отмены ограничений и повышенной горной подати с безвозмездной передачей земель и лесов в собственность владельцев. Однако достичь им этого не удалось по причине огромных пространств посессионных округов (варьировавшихся от 3,6 тыс. десятин в Мешинском до 845 тыс. десятин в Алапавском округе), которые правительство не решалось отдать заводчикам.

Однако часть таких округов не имела казенных лесов и земель, а пользовалась лишь «пособием в людях», которое утратило эту роль после отмены крепостного права. Их владельцы инициировали перемену статуса своих заводов и снятие с них «посессионных ограничений». Рассматривавшийся в Горной комиссии этот вопрос нашел свое

положительное решение во мнении Государственного совета от 18 мая 1863 г. В ходе растянувшейся до 1878 г. «кампании по числению» в разряд владельческих были переведены пять горноводских округов. Еще три округа в 1870–1890-е гг. поменяли статус по особым постановлениям властей для облегчения их пржи с публичных торгов. Несколько хозяйств прекратили свое существование из-за нерентабельности производства или, сменив профбы, были выведены из горного ведомства. В итоге к началу XX в. число посессионных округов сократилось до девяти, но, по свидетельству Д.И. Менделеева, это были крупнейшие хозяйства, владевшие 2 млн. десятин земли и выплавлявшие до 12 млн. пудов чугуна, то есть почти треть производительности всего Урала⁴. Именно эти округа и их владельцы были более всего заинтересованы в решении «посессионной проблемы».

В отношении их в 1866 г. Горная комиссия предложила проект выкупа посессий владельцами у казны посредством «капитализации добавочной подати, ежегодно причитающейся с имения», выведенной по среднему числу нескольких прошедших лет. Средняя цена «выкупной десятины» по этому расчету составила 1,7 руб., хотя и колебалась по отдельным округам от 0,34 до 6,56 руб.⁵

На «окончательную редакцию» проект был внесен в Податную комиссию. С целью повлиять на позицию властей заводчики добились участия в ней своих представителей. Не найдя согласия на свои прежние предложения, эти представители были вынуждены согласиться с вариантом «выкупа посессий», отвечавшим идее «взаимной выгоды» казны и заводчиков. Но им удалось склонить власти к принятию скорректированного варианта расчета «выкупной суммы» за счет включения добавочной подати с золота и уменьшения подати с меди, что привело к значительному сокращению «выкупной суммы». Средняя цена десятины в итоге снизилась до 1 руб., хотя все еще заметно различалась по округам (от 0,12 до 2,69 руб.).

В 1868 г. подготовленный проект Податной комиссии был направлен для обсуждения в заинтересованные ведомства и всем заводам и управлению посессионных округов. Следующие четыре года ушли на препирательства комиссии с Министерством госимуществ, которое посчитало значительно заниженной оценку «выкупной десятины» сравнению даже с выкупом крестьянских наделов, а также на разрыв от Нижнетагильского заводоуправления, поднявшего нерешенный в проектах комиссий вопрос о «неравномерности тяжести выкупа для отдельных заводских округов».

Но главной преградой к реализации компромиссного проекта Податной комиссии стали претензии не казенных ведомств и завод

а «заводских крестьян», которые «обратились к министру финансов с просьбой принять во внимание прежде допущения выкупа посессий на обеспеченность их быта». В результате Особое совещание при министре финансов в 1872 г. «нашло необходимым приостановиться выкупом посессий до разрешения общего вопроса о мерах обеспечения быта приписанного к горным заводам населения»⁶. Тем решением дело о выкупе посессий было отложено на неопределенный срок.

Поводом для следующего обращения заводчиков к горным властям с целью вернуться к отложенному делу стали изданные в 1876 и 1877 гг. инструкции о землеустройстве бывших казенных крестьян в посессионных дачах. Министр госимуществ П.А. Валуев, в ведомство которого из Министерства финансов был передан Горный департамент, «разделил убеждение» посессионеров и дал санкцию на содействие нового проекта правил о выкупе посессий, «главнейшими условиями» которого должны были стать «большее обеспечение быта горнозаводского населения посессионных заводов» и «большая равномерность тяжести выкупа для отдельных заводских округов». Для этого была выработана новая «формула» расчета, в соответствии с которой выкупная сумма определялась «путем капитализации дополнительной подати, соответственно тому размеру ежегодного производства, какой допускается количеством и родом приписанных к данному заводу от казны лесов». Основываясь на таких представлениях, в 1878 г. Министерство госимуществ подготовило текст новых «Правил о выкупе посессионных горнозаводских имений в собственность их владельцев», по именам его главных идеологов получивших название проект Валуева-Штофа». По предварительному расчету, совокупная выкупная сумма была несколько уменьшена и более равномерно распределена между горнозаводскими округами (средняя цена десятины становилась в пределах 0,9—1,2 руб.)⁷. Но, в отличие от предыдущих, с этим проектом заводчики не были ознакомлены. Мало того, в 1879 г. Госсовет отложил его обсуждение до того времени, когда можно будет с большей вероятностью судить о предстоящей в будущем деятельности уральских посессионных заводов» в связи с постройкой Уральской железной дороги. Кроме того, прежде чем заниматься выкупом посессий, было предложено завершить землеустройство горнозаводского населения посессионных округов, разработка проекта которого поручалась тому же Министерству госимуществ.

Установленная зависимость вопроса о выкупе посессий с «окончательным устройством быта» заводского населения надолго отвлекло от него внимание государства и заводчиков, сосредоточившихся на выработке взаимоприемлемого варианта землеустройства казенного и

бывшего крепостного населения. Заводчики, тем не менее, не переставали воспринимать в единстве процесс «наделения мастеровых» с «делением заводов», как они трактовали выкуп посессий. В этой связи в 1887 г. они предприняли новый приступ к обсуждению вопроса о выкупе, когда посчитали, что уже определились основные условия землепользования населения и стали понятны последствия деятельности Уральской железной дороги.

Горный департамент был согласен «не медлить возобновлением дела о выкупе», но посчитал необходимым «по прошествии многих лет и при новых обстоятельствах» скорректировать прежний министерский проект. К обсуждению вопроса на этот раз были подключены посессионеры, которые в целом согласились на «проект Валуева и Штофа», с которым тогда были впервые ознакомлены. Но, несмотря на это, никаких иных шагов со стороны горных властей предпринято не было, поскольку они не могли нарушить мнение Госсовета 1879 г. о предварительном «устройстве быта населения», которое никто не отменял. Когда же в 1893 г. были, наконец, изданы Правила о землепользовании населения посессионных заводов, а также Горный устав новой редакции, сохранившей прежние «посессионные ограничения» заводчики вновь обратились к властям. Два их коллективных прошения (1895 и 1896 гг.) повлияли на создание в 1898 г. Особой комиссии при Горном департаменте, которая должна была в очередной раз «рассмотреть вопрос о выкупе посессионных имений в собственности их владельцев».

В декабре 1899 г. заводчики получили возможность ознакомиться с новым министерским «Проектом правил о прекращении посессионного владения горнозаводскими дачами на Урале». Он предусматривал уже не выкуп, а фактическое изъятие из владения посессионеров казенных лесов и переход на арендные отношения с государством. Новый проект был основан на идее ликвидации посессионного и в целом горнозаводского права путем его «раздробления» на отдельные части. Эта идея охватила тогда часть горных деятелей (в том числе руководителя Особой комиссии А.А. Штофа, который был объявлен автором проекта) и юристов (в частности, профессора права Киевского университета В.А. Удинцева, которого считали идеологом реформы). Ее реализация вела на практике к «разгораживанию» горнозаводских округов, в границах которых с XVIII в. действовала уральская металлургия. Экономическое обоснование проекта основывалось на разочаровании властей в возможности посессионеров справиться с кризисными явлениями в крупной уральской металлургии и ориентации на новых предпринимателей, которым для развития «средней промышленности» необходимо было предоставить доступ к природным ресурсам.

им ресурсам посессионных округов, монополизированных заводчиками⁸.

Естественно, что лишаться своих «вековых прав» на посессионные или заводчики категорически отказались. К тому же по опыту предшествующих лет они не видели в казенном лесном ведомстве, которому должны были перейти бывшие посессионные «дачи», надежно торгового партнера. Этот проект окончательно похоронил вопрос об отмене посессионного права из-за его полного и безоговорочного неприятия заводчиками. Несмотря на то, что в 1905 г. по ходатайству свердловского заводууправления было организовано еще одно Особое совещание при Министерстве финансов и на Урале действовали две комиссии, «смена настроений правительственных ведомств нисколько не умалили энергии посессионеров», которые остались при своем убеждении в том, что «должно быть и будет сохранено условие подчинения заводов правилам выкупа лишь при добровольном на то согласии владельцев»⁹. Решиться на экспроприацию посессионных владений в совокупности со всей крупной земельной собственностью совершенно иным соображениям смогла лишь советская власть в 1918 г.

Таким образом, во второй половине XIX — начале XX в. посессионные округа Урала продолжали действовать в рамках права, которое фактически было наследием периода становления уральской горнозаводской промышленности в XVIII в. и уже не соответствовало ни хозяйственной практике, ни изменившимся представлениям о характере экономической деятельности. В связи с отменой крепостничества из состава посессионного права были выведены лишь положения, касавшиеся ограничений в использовании труда горнозаводского населения. Это привело к сокращению числа округов, подпадавших под действие этого права, и изменению характера производственных отношений, которые стали регулироваться преимущественно рыночными механизмами. В остальном «горная посессия» фактически сохранилась в неизменном виде, оставив существенные ограничения заводчиков в пользовании природными ресурсами округов (в первую очередь, лесами, необходимыми для функционирования уральской древесно-угольной металлургии).

Несмотря на то, что еще в пореформенные годы обоим «участникам» посессии (казне и заводчикам) удалось найти компромиссное решение «посессионной проблемы» и подготовить три проекта выкупа посессий (Горной комиссии 1866 г., Податной комиссии 1868 г. и Министерства госимуществ 1878 г.), реализовать их так и не удалось. Причинами этого стали сложность самого дела, сопряженного со многими «обременениями» (в частности, с не менее сложной пробле-

мой крестьянского землеустройства), опасения казны по поводу не профильного пользования переданных в собственность заводчики природных ресурсов в условиях упадка металлургии, а также боязн прогадать на выкупе и потерять прежние доходы в виде повышенн горной подати. Даже когда в 1901 г. горная подать в России был заменена «промысловыми» налогами, в равной степени распростр нявшимися на все заводы, для посессионных округов была сохранен «добавочная подать» за пользование казенными ресурсами.

Сами заводчики считали главными виновниками такого положени горную администрацию. «Почти четверть века тому назад в первы раз высказана была Правительством мысль о том, что посессионн- право должно подлежать отмене, — писал тот же Д.А. Огородинс еще в 1876 г. — В продолжение этого времени Правительство затруднилось привести в исполнение громадные экономические р формы, обновившие весь строй народного хозяйства и имевшие с щегосударственное значение, а вместе с тем всесторонне обсуди ный, самым тщательным образом выработанный проект о выкупе п сессий остается без движения вследствие различных препятств которые создавались и будут создаваться горной администрацией, интересах которой тормозить это дело, т. к. существованием посе сии обуславливается безбедное существование многих чинов и) реждений горного ведомства»¹⁰.

Вялотекущий 40-летний ход дела осложняла и все ухудшавшая ситуация в уральской горнозаводской промышленности, в итоге пр ведшая горные власти на рубеже XIX—XX вв. к пересмотру сво прежних намерений и повороту от модели «добровольного выку посессий» к варианту «экспроприации посессий». Хотя он был об снован юридически и отчасти экономически, но оказался совершенно неприемлемым для заводчиков на практике, поскольку не только л шал их огромных земельных владений, но и вел к разрушению о ружной организации горнозаводской промышленности, в рамках к торой существовала крупная уральская металлургия. Переломить п зицию влиятельных заводчиков-посессионеров государство не смо ло, да, видимо, и не захотело. Отказавшись в итоге и от идеи выкуп и от идеи экспроприации, оно, тем самым, доказало свою неспосо ность как на «мягкий», так и на «жесткий» варианты «развязки п сессионных отношений». Это свидетельствует об утрате им роли твор адекватных историческому времени правовых условий, в которой п сударство выступало в период становления горнозаводской промы ленности на Урале. В результате правовой институт, официально пр знанный устаревшим еще в середине XIX в., сохранился до кони имперского периода и, по признанию современников, существен

атруднял ход индустриальной модернизации в наиболее крупных горнозаводских хозяйствах Урала. Феномен «горной посессии», таким образом, заключался не только в исключительности российского посессионного права и сложности регулируемых им имущественных отношений, но и вытекавшей отсюда его прочности и долговечности, неподвластных даже обоюдному желанию «участников» посессии свободиться от нее. Это довольно отчетливо отразилось в реконструированном нами «процессе ликвидации посессий» во второй половине XIX — начале XX в.

Примечания

1. ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3958. Л. 132–140.
2. Приведена цитата из письма управляющего Нижнетагильским округом П.Н. Иленкова за 1857 г. (РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 1760. Л. 22–22 об.).
3. Неклюдов Е.Г. Правовые «модели» развития промышленности: владельческие и посессионные заводы Урала в первой половине XIX в. // Экономическая история России XVII–XX вв.: динамика и институционально-социокультурная база. Екатеринбург, 2008. С. 129–146.
4. Уральская железная промышленность. Под ред. Д.И. Менделеева. СПб., 1900. С. 101, 126.
5. Эти и последующие расчеты проведены по данным Горного департамента ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3958. Л. 222–223).
6. ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3958. Л. 188–213.
7. Там же. Л. 230–231.
8. Там же. Л. 21–22; Д. 4691. Л. 24–29 об.
9. Удинцев В.А. Русское горноземельное право. Киев, 1909. С. 295–296.
10. ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3958. Л. 140–145.